

УДК 821.161.1

Н. П. Крохина

«РЕЛИГИЯ ЗВЁЗД И ЦВЕТОВ» В ПОЭЗИИ К. Д. БАЛЬМОНТА¹

Аннотация. В статье даётся анализ важнейших мирообъемлющих бальмонтовских образов звезды и цветка с позиции поэтики всеединства. Рассматривается многоаспектность этих образов, делается вывод об их связи с мотивами космической литургии в поэзии К. Бальмонта.

Ключевые слова: бальмонтовский космос, звезды и цветы, мировое таинство, мировое причастие, поэтика всеединства, космическая литургия.

Abstract. The article analyzes the most important world-scale Balmont's star and flower images from the position of the poetics of unity that author develops in his work on the poetry of the Silver Age. The researcher considers the multidimensional nature of images of stars and flowers, the conclusion about the relationship of these images with the motives of space liturgy in the poetry by K. Balmont.

Key words: Balmont's space, stars and flowers, mystery of the world, global communion, poetic unity, cosmic liturgy.

Важнейшие мирообъемлющие бальмонтовские образы – цветущая земля (цветок/цветы/сады) и мерцающая звезда/звёзды как устремление «К Лазури неземной» [1, с. 50].

Звёзды и цветы связывают небо и землю в единое таинство, открытое поэту с детства, которое Бальмонт назовет «свет Мировой Евхаристии» в романе «Под новым серпом», а в дневниковой прозе – «религией звёзд и цветов» [2, с. 51], зарождающейся уже в детстве. Детство – это «звёзды и цветы» [3, с. 271], «когда светила сказочно вечерняя звезда» и «где сладко быть среди цветов» [1, с. 437, 30]. Это ключевые образы «царства счастья земного и небесной красоты» [1, с. 81]. Человек в бальмонтовской «религии звёзд и цветов» – «звезда меж звёзд» и «цветок в мировом саду» [4, с. 12, 19]. Самым зримым воплощением разговора Земли и Неба в поэзии Бальмонта является образ цветка, который навсегда останется мировым воплощением его кроткой и нежной души: «Если б я родился не стремящимся жадным Поэтом, / Я расцвел бы, как ландыш, как белый влюбленный цветок» [3, с. 12].

Цветы входят в поэзию Бальмонта как воспоминания усадебного детства: «И акации густые, и душистые сирени / Надо мною наклоняли бело-снежные цветы» [1, с. 81]; «Я вновь удаляюсь к первичным святыням, / Где дремлют купавы на озере синем, / Где ландыши в роще и дышат, и светят, / И если их спросишь – слезами ответят. / Мне чудятся всплески и запах фиалок»; «Усадьба. Сад с беседкою укромной. / Безгрешные деревья и цветы» [1, с. 156, 483]; как неперенный атрибут дворянской усадьбы: «Дворянских

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки Российской Федерации.

гнёзд заветные аллеи. / Забытый сад. Полузаросший пруд. / Как хорошо, как всё знакомо тут! / Сирень, и резеда, и эпомеи, / И георгины гордые цветут» [1, с. 43]. «Мы начинаем дни свои / Среди цветов и мотыльков... / Под небом близким и родным» [1, с. 241]. Цветок часто органично дополняется образом звезды: «Настал заветный час / Для искристой Звезды... / Кувшинки расцвели / И смотрят на неё... / Ласкают их лучи / Застенчивой Звезды» [1, с. 62–63]. Небо и цветущая земля взаимоотражаются: «Лучи с Небес глядят, / И кроток свет заката, / Цветы лучам кадят / Струями аромата» [1, с. 77]. Солнце – это небесный цветок: «Ярко-красное Светило расцветающего дня, / Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня» («Новый распустился в небесах цветок / Светом возрождённым заблестал восток») [1, с. 70, 73]. Звёзды и цветы – неперенные атрибуты того «царства тишины», которое прежде всего открывается в мире поэту: «Всюду ласковая тишь, / Спят купавы, спит камыш... Звёзды тихий свет струят, / Очи ангелов глядят» (стихотворение «Тишина»). А также «аккорд певучий / Неумирающих созвучий, / Рождённых вечной Красотой» [1, с. 157, 175].

Какими только не предстают цветы в поэзии Бальмонта. То это «болотные лилии», «нежно-стыдливые», «цветы молчаливые», «бесстрастные». Только влюблённым дано увидеть «ночные цветы», которым «названия нет» [1, с. 57, 97]. Сама любовь – «ночной цветок» [3, с. 141]. Есть и «надгробные цветы». «В мире сновидений» поэту являются «нездешние цветы», «воздушно-белые». Есть «закатные цветы» из «красок закатных» [1, с. 137, 273]. Разумеется, как романтик он «жаждет голубого небесного цветка» [3, с. 69]. Ипостаси стыдливой и страстной любви отражают розы белые и красные [1, с. 371–372]. Поэт хотел бы «из мира сделать пышный сад», и сам всегда хотел быть цветком: «Как цветок я хочу расцвести / И угаснуть без слова упрёка» [1, с. 78, 141]. Земные цветы – символы разных граней души поэта: «Я, как ландыш, бледнея, цвету / Для мечтательных, нежных, влюблённых»; «Я порою всю ночь не усну / И мечтаю, как ветка сирени» [1, с. 141–142]. Над землёй летает «царица светлых фей», образ которой восходит к «первичным святыням» детства («в этой ласковой стране... толпой скользили феи и водили хороводы при сверкающей Луне»), и за нею расцветают «и тюльпан, и златоцвет»: «Пролетаешь над водой – / Распускаются купавы, / И росой, как звездой, / Блещут ласковые травы» [1, с. 81, 348]. Так возникает образ мирового круга.

Столь же многообразен образ звезды. Поэт то созерцает «трепетание звёзд, их мерцанье стоокое», то наблюдает «в небе глубоком звёздную тишь». Звёзды – необходимый атрибут ночного таинства: «Уж ночь зажигает лампы / Пред ликом пресветлым Творца» [1, с. 58, 81, 105]. Звёзды «сияют над нами», «шепчут», «меж собою разговор ведут... Звёзды прославляют Господа Творца», «поют светлым хором» [1, с. 121, 85, 116, 141]. Уходя от земного, поэт приближается к звёздам: «И звёзды родные огнями привета... горят и горят» [1, с. 145]. Самый характерный образ этого звёздного таинства – звездный хоровод («Может ли звёзд не блистать хоровод?») [1, с. 69]. «В мире сновидений» «стихийному гению» являются «Безмятежные, свободные, / Миру чуждые, холодные / Звёзды призрачных небес» [1, с. 138].

И наоборот, в «Кошмарах» поэту являются обезбоженная твердь – «Немая, мёртвая, отвергнутая Богом, / Живущим далеко в беззвёздных небе-

сах... за гранью, за порогом / Всего понятного» и её отражение: «Всегда холодная пустыня звёзд над нами», которая «останется чужой до горького конца». Таким мир предстаёт в долгих скитаниях поэта. В кошмарных снах «гаснут звёзды», «гигантская восходит орхидея», «чудовищный цветок» полон ядом. Поэт вопрошает: «Зачем в названьи звёзд отравленные звуки – / Змея, и Скорпион, и Гидра, и Весы?» [1, с. 177–178]. Апофеозом кошмара является образ бесконечной равнины, которая «до звёзд прикоснулась» и звёздный мир пронзила «монотонной печалью земли»: «И далёкие звёзды застыли / В беспредельности мёртвых небес» [1, с. 179]. Поэт – «в царстве льдов», где «немые небеса», «в лабиринте», в бессельном блуждании («С Небом порван мой завет») [1, с. 183–184]. Путь к «правде Небес» – долгий путь, на котором поэт «...видел Звезду Золотую, / С безмолвием вёл разговор», «И крупные звёзды блестели / Печалью нездешних очей. / Далёкое небо вздымалось, / Ревнивую тайну храня» [1, с. 187–188]. Этот долгий путь развёрнут в стихотворении «Забытая колокольня»: «Нам светили звёзды, Солнце и Луна, / Всё для нас погасло, всюду тишина. / Мы цветы сорвали, больше нет цветов, / Звёзды утонули в бездне облаков». Эти сорванные цветы и утонувшие звёзды – образы «убитой красоты». Но поэту скоро откроется «восторг мироздания», колокол гудит: «Восстань! Внемли!» [1, с. 195–197]. О своём преображении поэт рассказал в стихотворении «Звезда пустыни», завершающем сборник «Тишина». Вновь он слышит «таинственный зов», божественный голос, открывающий тайну всеединства («Всё – в одном. Всё глубоко и цельно»), зажигающий ослепительную Звезду и «вечное счастье» [1, с. 200].

Очень важен в поэзии Бальмонта образ одной, единственной звезды, часто в сопоставлении с Луной и Солнцем:

Но сильнее, чем Месяц, и нежнее, чем Солнце,
Я люблю Золотую Звезду.
Ту звезду золотую, что мерцает стыдливо
В предрассветной мистической мгле
И в молчаньи вечернем, холодна и прекрасна,
Посылает сиянье Земле [1, с. 107].

Эта Звезда зажигает сердце «нежным огнём» любви и упования: «О, только бы знать, что могу я молиться» и предстает образом этого обожженного мира: «Пусть буду я ждать и томиться года, / Безумствовать, падать во тьме испытанья, – / Но только бы верить всегда, / Но только бы видеть из бездны преступной, / Что там, надо мной, в высоте недоступной, / Горит – и не меркнет Звезда!» [1, с. 112]. Золотая Звезда горит и падает «в восторге любви», оболыщённая «голубыми земными цветами». В себе «стихийный гений» находит «упоенье бесстрастной звезды» [1, с. 141, 144]. Это спасительная «Звезда пустыни»: «И там, где пустыня с Лазурью слилась, / Звезда ослепительным ликом зажглась» [1, с. 200]. Звезда – символ единственности: «Я счастлив – я светел – один – как звезда» [3, с. 137]. В обретении всеединства («Звезда пустыни») поэт сочетает стихи-цветы, содержит в себе расцвет цветка и свет звезды: «С недостижимого предела / Роняю любящим цветы. / Свечу и жгу лучом горячим / ... зренью светлых – я расцвет!» [1, с. 206].

И царство тишины, и долгие скитания, и обретение расцвета – все этапы пути поэта говорят языком звёзд и цветов. В «Горящих зданиях» поэт прославляет красный цвет: «Как испанец... Я хочу цветов багряных»; «Мне

маки грезятся... гвоздики алые и полные угрозы, / Махрово-алчные, раскрывшиеся розы». И даже лилии, «забыв свой цвет, безжизненно-усталый, / Мерцают сказочно окраской ярко-алой» [1, с. 213].

В чём тайна цветка? «Быть как цветок полусонный» – это «внутренним светом светиться» [1, с. 223]. Цветок – это образ цветения, расцвета: «Мои мечты цветут, не отцветая», и визуальным воплощением этих мечтаний и становятся цветы – «Для того цветут цветы» [1, с. 257, 289]. Цветы – «аромат солнца», важнейший образ мировой красоты, разлитой в мире, и потому «Все цветы красивы!» [1, с. 271–272]. Блаженные гипербореи «питаются только цветами и свежей росой» [1, с. 281]. Цветок становится важнейшим образом того всеприятия мира, к которому шёл поэт: «Мы ценим без различья / Сверканья всех огней – / Цветы с любым узором, / Расцветы всех начал...» [1, с. 278]. «От созвучья» души и мира, которого искал поэт, «цветы расцветут». Присутствие вечного в человеке связано с образом звезды и цветка: «Мы только грёзы Красоты, / Мы только капли в вечных чашах / Неотцветающих цветов, / Непогибающих садов» [1, с. 283]. От этого образа вечных, райских садов в бальмонтовской поэтике всеединства неотделим образ звезды: «Я обещаю вам сады, / Где поселитесь вы навеки, / Где свежесть утренней звезды... / Где нет печали, ни заката» [1, с. 284].

Расцвет поэзии Бальмонта связан с «таинственным мигам примирения», «мистическим праздником слияния» [1, с. 292], в котором поэт прославляет «Солнца лик животворящий», ласкающий цветы [1, с. 301, 316], и огонь – «страшный цветок с лепестками из пламени»: «Ты в хрустальности звёзд... То засветишься алой гвоздикой, / То зашепчешь как колос пушистый, / То протянешься пьяной лозой» [1, с. 320]. С всесоединяющим и вечно меняющимся огнём в поэзию Бальмонта всё более явственно входит тема мирового причастия. «Вся природа – мозаика цветов» и «желанье красоты» – об этом сборник «Литургия красоты».

Звёзды и цветы сочетают и таинство созерцания мира, и образы любви в поэзии Бальмонта: «Ты мерцала стыдливой звездой»; «любви цветок необычайный», который рано поблёл [1, с. 85, 89], с чем связаны юношеские страдания поэта. Стыдливая любовь – «полурасцветшие цветы» [1, с. 103]. Не однажды поэт прославляет «цветок нераскрытый», который «прекрасней, лучше, нежнее всего» [1, с. 337]. Образы звезды и цветка «в созвучии странном» с душою поэта:

Я люблю, как звезду отдалённая любит звезда,
Как цветок, что ещё не растратил в душе аромата [1, с. 227].

Любовь, неотделимая от образов звезды и цветка, мирового таинства, реализуется в сборнике «Будем как Солнце» как результат «Четвероугласия стихий» в циклах «Млечный путь» и «Зачарованный грот», посвящённых любовной теме. В минуты «непобедимой любви» в душе поэта открывается райский сад, развёртывается образ цветения и расцвета: «В моем саду мерцают розы белые, / Мерцают розы белые и красные, / В моей душе дрожат мечты несмелые, / Стыдливые, но страстные» [1, с. 371–372]. В саду любви «цветок целуется с цветком»: «Воздушно ландыши белеют, / В себя влюбляется нарцисс, / И гроздь красных лилий млеют, / Раскрылись и зажглись» [1, с. 379]. «Я хотел бы дышать белоснежным цветком, / Но в душе лепестки раскрываются алые» [3, с. 44].

В любимой женщине отражаются очень близкие душе поэта мировые стихии: «Ты лёгкая волна, играющая в море, / Ты тонкий стебель нежного цветка»; «Ты цветок воздушный» [1, с. 385–386]; «Ты пришла, как приходит весна, / Расцвела, как весенний цветок» [3, с. 138]; «Моя любовь, моя звезда, / Такой, как звёзды, будь всегда. / Горя, не думай обо мне, / Но дай побыть мне в звёздном сне» [1, с. 391]. Влюблённый – цветок и звезда: «И мы горим – прекрасней нет светил»; «Мы с тобой – цветы!» [1, с. 393–394]. Поэт воспева-ет прекрасные мгновения любви, растворяющие женский образ в мировых стихиях: «Она не страшилась возмездья, / Она не боялась утрат. / – Как ска-зочно светят созвездья, / Как звёзды бессмертно горят!» [1, с. 410]. Эту сим-волику продолжает сборник «Только любовь» (цикл «Мгновенья слияния»): «Любовь есть свет, что сходит к нам оттуда, / Из царства звёзд, с лазурной высоты, / Она в нас будит жажду чуда / И красоты» [3, с. 46].

Поэтический мир Бальмонта всё более становится миром отражений и взаимопроникновений. Важнейшим отражением небесной бездонности ста-новится так любимый поэтом образ Океана. Недаром он говорил: «...если бы у меня была свобода выбора, я поселился бы опять в родной глуши или на берегу Океана» [5, с. 262]. Океан – «Водный, вглубь ушедший небосклон» [1, с. 329]; «Все мы капли в вечном море» [3, с. 72]; «В нас проходит звёздная река», и потому «мир Земли – для Неба не чужой» [1, с. 90–91]. Вместо же-лания расцвести как цветок «Четверогласие стихий» завершает образ перево-площения в цветок: «Я цветок, и счастье аромата / Мне самой судьбою суж-дено, / От восхода Солнца до заката / Мне дышать, любить и жить дано» [1, с. 352]. Стихотворение посимволистски двусмысленно: «женщина воздушная, вся в белом», которая «движеньем ласковым, но смелым / Стебель мой цве-туший оборвёт» – то ли образ смерти и короткой жизни цветка («От восхода Солнца до заката / Мне дышать, любить и жить дано»), то ли образ любви: «До заката буду я – ничей!» [1, с. 353]. Поэт не устаёт повторять:

В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.
Расцветайте, отцветайте. Многоцветно. Полновластно,
Раскрывайте всё богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодеющих могил [3, с. 73].

В поэме «Художник-Дьявол», где Художник постигает «мудрость ми-роздания», вновь ключевыми становятся образы звезды и цветка: «Белейшие цветы растут из тины, / Червонней всех цветов на плахе кровь, / И смерть – сюжет прекрасный для картины» [1, с. 455]. «В блаженстве мирового едине-нья», «в сплетеньи мировом» художнику открывается безграничность мира и причастность человека к этой бездонности: «Мы звенья вокруг созвездного кольца... Мы тянемся к безмерной Красоте / В морях сознанья» [1, с. 484, 488]. Образами этой «безмерной Красоты» и становятся образы звезды и цветка.

Сборник «Только любовь» открывают гимны Солнцу и Луне – симво-лам двух ипостасей души – горению и тишине. Цветок неотделим от Солнца: «...я всё в тебе люблю. Ты нам даёшь цветы» [3, с. 9]. И само Солнце – цве-ток: «Мировой цветок, который назван Солнцем меж людей» [1, с. 181]. Оно сливает земное и небесное: «...мы чувствуем тебя в реке полных звёзд» [3, с. 10]. Кульминацией книги становится цикл «Мировое кольцо», которое

сочетает свет и тени, временное-вечное («Ты – вневременное видел. Вновь во времени умри») [3, с. 105], бытие-сознание. Мир – «Безгласная поэма»: «Каждый цветок есть изваянный стих / Вечно-безгласной поэмы». А цветы – отраженья разных граней души поэта: «В лилиях белых вся нежность моя, / Страсть моя в кактусах красных, / В жёлтых колосьях покой бытия, / Ласковость в розах атласных» [3, с. 106].

В своих любимых образах звезды и цветка поэт утверждал высшую интуитивную мудрость цельности, которую не однажды противопоставлял человеческому разуму: «Есть что-то, что выше всех знаний и слов. / И я отвергаю слова мудрецов, / Я знаю и чувствую только одно, / Что пьяно оно, мировое вино» [3, с. 108]. Завет поэта – «быть живым», быть «в вечно-творческом огне» [3, с. 112]. Логика «мирового кольца» венчает звезды и цветы: «есть созвездья – есть соцветья», цветы – «соцветья земные», «созвездья зиждущей Земли»; «Мы – дети ярких звёзд», «От звёзд лучистый мост / До сердца к нам идёт», и эту связь со звездами дополняет «Завет цветов: Гори» [3, с. 120–122]. Кульминацией этого венчанья звёзд и цветов становится стихотворение «Серебряные звёзды». «Сияя вечно там – ночным цветам, сюда сиянье льёте». Развертывается таинство «зеркальностей природы»: «Серебряные звёзды» – «Серебряные воды просторов неземных». «Незримая струна» сливает Небо с душевной глубиной: «Душа моя дрожала от пеня тайных строк, / В душе моей раскрылся неведомый цветок, / Узнать его названье я никогда не мог» [3, с. 139–140]. Подобный цветок Бальмонт итоговых 1910-х гг. назовет «звёздные цветы» [4, с. 295]. В «Литургии Красоты» это «праздник обрученья Небес и лепестков», «таинство венчанья созвездий и цветов», к которому приходит поэт [3, с. 140]. Лирический цикл «Фата Моргана» сочетает «цветы и цвета», прославляя многоцветие мира: «капли крови в гвоздике», предрасветно-лепестковый, «неназываемый цветок», «лепестки горицвета», «лютик золотистый» [3, с. 170–181]. В этом многоцветии и открывается «Литургия Красоты», к которой приходит поэзия Бальмонта.

Завершающие сборник гимны Огню, Воде, Воздуху, Земле вновь сочетают звезды и цветы: «Вижу Огонь я во всём мирозданьи / В травках, в росянках, в спиралях планет». Огонь «с высот лучом струится, / Он в хоровод зовёт цветы». Завет Огня: «Гореть хотя одно мгновенье, / Светить хоть краткий час звездой» [3, с. 186, 188, 192]. Вода – бездонность, безбрежность – отражение небесной бездонности. В своей зиждательности это вновь образ всеединства: «И снова, как в детстве, светили / Созвездья с немой высоты. / И в сладостно-дышащей силе / Цвели многоцветно цветы» [3, с. 202]. Океан становится отражением небес:

Из лёгкой водной мглы и из сияний звездных,
Из нежно-зыбкого воздушного руна,
Меж двух бездонностей и в двух зеркальных безднах
Возникла призрачно блаженная страна [3, с. 204].

В своем вещем сне поэт дает картину всеединства: он видит фонтаны и сады, слиянье Океана «с небосклоном»; «Весь мир наполнился одним воздушным звоном, / Вселенная была – единый Млечный Путь» [3, с. 204].

Цветы и звёзды сочетает Воздух, он «лелеет все цветы», наполнен «гипнозом аромата», «всходящая стезя, / всегда одетая в созвездные убранства» [3, с. 208–209, 211]. В этом сочетании открывается таинство цветения:

«Сну цветения послушный, / Лотос с воздухом слился», а также восходит в небеса: «Будь как лотос: корни снизу, / В вязком иле, в тьме, в воде, / Но, взойдя, надел он ризу, / Уподобился звезде» [3, с. 206]. Потому в гимне Земле поэт создаёт образ неземной земли, «зелёной звезды, планеты изумруда» [3, с. 213]: «Звёзды вечно с нами слиты, / Хоть небесный свод вдали. / Звёздным светом перевиты / Все мечтания Земли» [3, с. 217]. Земля – звезда среди звёзд, с ней связан образ цветения. Зреющий колос и виноград – её Литургия Красоты, открывающая таинство мирового причастия.

В сборниках 1910-х гг. эти взаимоотражения доходят до сюрреальных сближений: «Звёзды слагались в цветы»; «Каждый цветок есть цветистая планета, / Каждое растение – зелёная звезда»; «Цветок есть расцветшее пламя» [4, с. 151, 165, 185]; «звездится куст сирени»; «звёздные цветы»; «Я полюбил тебя за взгляд / Звездообразной забывки» [4, с. 219, 295, 382].

Символ цветка, неразрывно связанного с детством, цветением и многоцветьем, встречается в одном из итоговых стихотворений в творчестве Бальмонта «Прости» из сборника «Белый Зодчий»: «Я с детства был всегда среди цветов душистых, / Впервые вышел я на утренний балкон... / Сирень лазурная светила мне направо, / Сирени белой мне сиял налево куст» [4, с. 449]. Цветы светят, сияют, пахнут мёдом. Все фазы своей жизни Бальмонт ассоциировал с цветами:

Каким я в детстве был, так буду в дни седые.
Фиалка – мой рассвет, мой полдень – пламя роз,
Послеполуденье – нарциссы золотые,
Мой вечер, ночь моя, сверкайте в играх гроз.

Поэт называет свой завет заветом верности миру детства и, отдавая свои певучие творенья матери-Родине, просит прощения у вечно-скорбной России:

Пусть все мои цветы, – о, мать моя святая,
Россия скорбная, – горят мне на пути.
Я с детства их люблю. И, их в венок сплетая,
Их отдаю тебе. А ты меня прости! [4, с. 449]

Звезды и цветы остаются в поэзии Бальмонта приметам родины, открытыми поэту с детства: «Хочу я родимых березок, / Влюблен в полевою ромашку, / И клевер в душе расцветает, / И в сердце звездится сирень» [4, с. 388].

Подобно тому, как бесконечно разнообразны земные цветы, так же многогранен звёздный мир для Бальмонта. В сборнике «Литургия Красоты» есть образ «Мировой тюрьмы», многих вселенных: «Опять разрушатся все спайки, клейки, скрепы, / Все связи рушатся, – и снова будет Тьма». Является образ вечного возвращения:

И вновь сомкнёт, скуёт водоворот спиральный
Звено упорное сложившихся планет,
И странной музыкой, безгласной и печальной,
В эфирных пропасть польётся звёздный свет.

Потому поэт и утверждает: «Лучист Дворец Небес, но он из тяжких плит» [1, с. 147]. Но более характерны для поэзии Бальмонта образ мирового таинства, мотивы космической литургии: «литургии светил»; «вверху поёт

хорал» [1, с. 168, 142]; «дух людской пронизан светом, / Что шлёт ему небесная звезда»; «песня звезды к отдалённой звезде» [3, с. 46, 217]; «Звезда звезде всегда поёт псалом, / На небесах не молкнет Литургия» [4, с. 489].

Завершает сборник «Белый Зодчий» лирический цикл «Южный Крест», ключевым в котором является образ звезды. Поэт «на Ориона правит путь», видит дальний Сириус и «светоч Юга» – Южный Крест [4, с. 468–469]:

Напевы рун звучат – но лишь для взора,
В узорах звёзд, в которых высота
Сложила гимны огненного хора
Под верховенством Южного Креста [4, с. 472].

Мир звучит, требует прочтения своих рун, своего таинства:

Напевы рун дрожат – их слышит ухо
Во вскипах волн, в безмерности морей.
Дорогой глаз или тропинкой слуха
В их смысл войди – все смыслы в них светлей [4, с. 473].

Свою жизнь поэт всегда ассоциировал с образом цветка и цветов (стихотворение «Прости»). Свою будущую жизнь в стихотворении «К звездам» он ассоциирует с образом звезды – образом вечности. Звёзды – «престолы душ, которые когда-то / Прошли пути страданий и надежд / И отошли отсюда без возврата» [4, с. 478]. «И кто был мёртв – воскрес» – в образе звезды. «Да буду я меж вас, уйдя отсюда, / Звездой меж звёзд, над сонмами веков». И эта «истина святая – всезвёздность душ» превращает мир в храм: «И пусть тот храм, всё больше возрастая, / Обнимет всех, многовершинный лес». Или «далеко на Юге» поэт мечтает «Быть звездой в пустыне синей / Над родной страной...» [4, с. 479–480]; «Я звёздную цепью свой разум с Безбрежным сковал» [4, с. 489].

Завершает сборник стихотворение «Белый зодчий», давшее название книге. Мир не «мировая тюрьма», а творение великого Зодчего, который звёзды остановил, «скрепил размеченность орбит»; «Как иней стал созвёздный пыл» в долгий час творенья; этот «снежный миг навек нам явлен... / Он будет некогда расплавлен, / Как двигнет Бог все звёзды в путь» [4, с. 508]. Настоящее и будущее мира – размеченность орбит и полёт пыланья.

Недаром свою религию Бальмонт называл «религией звёзд и цветов». Образы звезды и цветка становятся важнейшими образами мирового таинства, той космической литургии, которую поэт запечатлел в своём творчестве, именуя «литургией красоты» и «светом Мировой Евхаристии».

Список литературы

1. **Бальмонт, К. Д.** Полное собрание стихов. 1909–1914 / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Книговек, 2010. – Т. 1. – 504 с.
2. **Бальмонт, К.** Малые зерна: Мысли и ощущения / К. Бальмонт // Весы. – 1907. – № 3. – С. 47–56.
3. **Бальмонт, К. Д.** Полное собрание стихов. 1909–1914 / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Книговек, 2010. – Т. 2. – 480 с.
4. **Бальмонт, К. Д.** Полное собрание стихов. 1909–1914 / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Книговек, 2010. – Т. 3. – 528 с.
5. **Бальмонт, К. Д.** Где мой дом? Очерки. 1920–1923 / К. Д. Бальмонт // Собрание сочинений : в 7 т. – М. : Книговек, 2010. – Т. 6. – С. 165–274.

Крохина Надежда Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра культурологии и литературы,
Шуйский государственный
педагогический университет

E-mail: nadin.kro@mail.ru

Krokhina Nadezhda Pavlovna

Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of cultural studies and literature,
Shuya State Pedagogical University

УДК 821.161.1

Крохина, Н. П.

«Религия звёзд и цветов» в поэзии К. Д. Бальмонта / Н. П. Крохина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (24). – С. 68–76.